

ЖИЗНЬ СРЕДИ ЧУЧЕЛ: БИОГРАФИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ЗООЛОГА АВГУСТУСА ШУСТЕРУСА

Анастасия Алексеевна Федотова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
5/2 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
f.anastasia.spb@gmail.com

Екатерина Юрьевна Жарова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
5/2 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
zharova_ekaterina@bk.ru

Аннотация: На примере биографии Августа Шустеруса (около 1805 — не ранее 1871), препаратора Виленской медико-хирургической академии (1835–1841) и Университета св. Владимира в Киеве (1842–1870) мы рассматриваем карьеру университетского «незаметного техника». Шустеруса можно считать одним из самых квалифицированных таксидермистов второй трети XIX в., работавших на академическое сообщество в пределах Российской империи. Теоретическую подготовку он получил у сравнительного анатома Людвиг Боянуса, а практическую — у таксидермиста Феликса Бруннера. Оставленный им след — это высококлассные чучела, изготовленные с применением элементов техники, получившей в XX в. название скульптурной таксидермии, в частности сохранились некоторые смонтированные им зубры. Профессора, с которыми Шустерус работал в Вильне и Киеве, почти не упоминали его имени в своих отчетах, хотя вполне очевидно, что без его работы и учебная, и научная деятельность их кафедр была бы существенно осложнена. Информацию о Шустерусе нам пришлось собирать по крупицам из архивов разных городов, причем больше всего документов удалось найти по его работе над чучелами и скелетами зубров, служивших в 1830–1840-е гг. ценными объектами музейного обмена и дипломатическими подарками. Именно благодаря документам по монтированию музейных зубров стало возможным восстановить имя Шустеруса для истории зоологии.

Ключевые слова: таксидермия, незаметные техники, зубры, чучела, университеты, зоологический кабинет, Российская империя.

Для ссылок: Федотова А., Жарова Е. Жизнь среди чучел: биография практического зоолога Августа Шустеруса // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 312–346.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-312-346

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/fedotova_zharova.pdf

OF BISON AND TAXIDERMISTRY: BIOGRAPHY OF A PRACTICAL ZOOLOGIST AUGUSTUS SZUSTERUS

Anastasia Fedotova

St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
f.anastasia.spb@gmail.com

Ekaterina Zharova

St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
zharova_ekaterina@bk.ru

Abstract: The article is devoted to the biography of Augustus Szusterus (circa 1805 — not earlier than 1871), the keeper of the zoological cabinet at the Vilna Medical and Surgical Academy (1835–1841), and then the University of St Vladimir in Kiev (1842–1870). By using his life as a case-study, we analyse the career of an “invisible technician” in Russian higher education of the 19th century. Szusterus was one of the best taxidermists who worked for the academic community in the Russian Empire in the second third of the 19th century. He was a student of Ludwig Bojanus, a preeminent comparative anatomist, and of Felix Brunner, a skilled taxidermist. His legacy are museum exhibits that were made as skin-mount over sculpture, the technique that was (as it’s believed) developed only in the late 19th and in the early 20th century; in particular, several European bison mounted by him have been preserved till nowadays. The professors with whom Szusterus worked in Vilna and Kiev hardly mentioned his name in their annual reports and other documents, although it is quite obvious that without his assistance, both their educational and scientific activities would have been significantly obstructed. We collected information about Szusterus from scratches by using the documents from four countries. The most informative documents that we managed to find were about his work on European bison that served as valuable objects of museum exchange and even diplomatic gifts in the 1830s and 1840s. It was due to these documents that it became possible to restore Szusterus’ name to the history of zoology.

Key words: taxidermy, invisible technicians, European bison, universities, zoological cabinet, Russian Empire.

To cite: Fedotova A., Zharova E., 'Zhizn sredi chuchel: biografiya prakticheskogo zoologa Avgustusa Shusterusa' [Of Bison and Taxidermy: Biography of a Practical Zoologist Augustus Szusterus], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 62, pp. 312–346.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-312-346

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/fedotova_zharova.pdf

Анастасия Федотова, Екатерина Жарова

Жизнь среди чучел: биография практического зоолога Августа Шустеруса

На примере биографии Августа Шустеруса (около 1805 — не ранее 1871), препаратора Виленской медико-хирургической академии (1835–1841) и Университета св. Владимира в Киеве (1842–1870) мы рассматриваем карьеру университетского «незаметного техника». Шустеруса можно считать одним из самых квалифицированных таксидермистов второй трети XIX в., работавших на академическое сообщество в пределах Российской империи. Теоретическую подготовку он получил у сравнительного анатома Людвиг Боянуса, а практическую — у таксидермиста Феликса Бруннера. Оставленный им след — это высококлассные чучела, изготовленные с применением элементов техники, получившей в XX в. название скульптурной таксидермии, в частности сохранились некоторые смонтированные им зубры. Профессора, с которыми Шустерус работал в Вильне и Киеве, почти не упоминали его имени в своих отчетах, хотя вполне очевидно, что без его работы и учебная, и научная деятельность их кафедр была бы существенно осложнена. Информацию о Шустерусе нам пришлось собирать по крупицам из архивов разных городов, причем больше всего документов удалось найти по его работе над чучелами и скелетами зубров, служивших в 1830–1840-е гг. ценными объектами музейного обмена и дипломатическими подарками. Именно благодаря документам по монтажу музейных зубров стало возможным восстановить имя Шустеруса для истории зоологии.

Ключевые слова: таксидермия, незаметные техники, зубры, чучела, университеты, зоологический кабинет, Российская империя.

Введение

Процесс профессионализации науки — тема, привлекающая исследователей уже несколько десятилетий [Beer, David Lewis 1963; O'Connor, Meadows 1976; Moseley 1977; Spree 1980; Brooks 1998; Waller 2001; Gordin 2008; Lucier 2009; Грибовский 2020]. Однако слишком часто основными (или единственными) представителями профессиональной науки оказываются успешные исследователи, преподаватели или организаторы науки. При этом забытыми остаются существенная часть специалистов, обеспечивавших ежедневный быт науки, и вместе с ними — такие участники процесса институционализации науки, как вспомогательный персонал. В зоологии ими были и остаются препараторы, консерваторы, таксидермисты и другие сотрудники с весьма специфической и специализированной подготовкой и навыками.

В отечественной историографии науки умалчивание имен и роли этих незаменимых профессионалов началось с первых очерков по истории того или иного учреждения, написанных в XIX в. Советская традиция,

Анастасия Алексеевна Федотова

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия
f.anastasia.spb@gmail.com

Екатерина Юрьевна Жарова

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия
zharova_ekaterina@bk.ru

несмотря на программное заявление Н.И. Бухарина о необходимости построения социальной истории науки, еще более усилила ориентацию на «выдающихся ученых». Однако в последние десятилетия вспомогательный научный персонал получил больше внимания и свое название: незаметные, или невидимые, техники — *invisible technicians* [Shapin 1989]. В истории изучения животных их называют «практическими зоологами» [Nyhart 2009].

Самые дотошные летописцы естественно-исторических институций все-таки приводили краткие сведения об этих скромных тружениках науки. Для территории бывшей Российской империи нужно назвать прежде всего работы по истории Зоологического музея Императорской академии наук (ИАН) А.А. Штрауха [Штраух 1889] и Ф.Ф. Брандта [Брандт 1865]. Информация о Генрике Лаупмане, прозекторе Виленского университета, который будет упомянут ниже, есть в справочнике польских зоологов [Słownik biologów polskich 1987]. Весьма содержательными в этом отношении могут быть очерки о провинциальных музеях [Матвиевская 2010]. Сведения о практических зоологах как о помощниках крупных натуралистов иногда содержатся в биографиях этих последних. Так, герой нашего сюжета упоминается в статье о К.Ф. Кесслере [Богданов 1882].

Сегодня многие естественно-исторические музеи имеют стенды, демонстрирующие стадии превращения брэнного тела животного в долговременный экспонат, но и в этом случае имена таксидермистов (и препараторов в общем) остаются скрытыми или утерянными¹. Большинство случаев, когда таксидермист становился героем историко-научного исследования, связаны с какими-то другими его заслугами. Препаратора Зоологического музея ИАН И.Г. Вознесенского (1816–1871) знают как кругосветного путешественника, коллектора и автора полевых дневников [Алексеев 1977]. А.Ф. Котса (1880–1964) помнят как создателя Дарвиновского музея и популяризатора эволюционной теории [Котс 2013–2014] и т.д.

Первоклассный препаратор и хранитель зоологического кабинета, особенно в XIX столетии, в эпоху сравнительно малой специализации натуралистов, должен был обладать множеством навыков, в том числе охотника, художника, зоотехника и химика. Он умел ловить как обычных, так и самых редких, странных и бесполезных с точки зрения обывателя животных,

¹ Музейные этикетки и каталоги должны содержать указания на коллектора, реже они называют имя специалиста, сделавшего определение, но почти никогда — имя таксидермиста, даже в том случае, когда речь идет о крупном животном, создание чучела которого требует долгой работы, мастерства и знаний.

содержать их в неволе, знал, как обработать шкуру и кости, смонтировать чучело и скелет¹, как сохранить коллекцию, многие предметы в которой без соответствующего ухода быстро портятся. Профессия консерватора-таксидермиста подразумевала физический труд и была непосредственно связана с кожными специальностями: в российских городах коммерческие чучельники состояли в гильдии скорняков [ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 6251; Д. 10180].

Интерес к «ремесленным» аспектам в развитии естественных наук означал, что в истории зоологии стали появляться работы, посвященные судьбе различных методов, отдельных предметов или антропологии таксидермии [Farber 1977; Ruud 2013; Would 2021]. Важность практических зоологов вообще и музейных таксидермистов в частности для становления экологического подхода в зоологии описана на примере Германии в книге Линн Найхарт [Nyhart 2009]. В последнее время появляются работы, которые обсуждают историю не только музейной, но и коммерческой таксидермии [Poliquin 2012]. Последнее немаловажно, ведь историк биологии легко может упустить из внимания, что абсолютное большинство чучел выполняют вовсе не научные или просветительские, а декоративные функции.

Нам, однако, не удалось найти англо- или русскоязычных работ, анализирующих историю таксидермии как вспомогательной научной профессии, а статьи, рассказывающие о жизненном пути какого-либо таксидермиста, обычно описывают его не как одного из представителей профессии, а как исключительную личность необычной судьбы, имеющую множество талантов и владеющую разнообразными навыками. Впрочем, как мы увидим на примере героя данной статьи, это не лишено смысла. В такой редкой профессии, особенно на ранних этапах институционализации зоологии, индивидуальные качества, да и просто удача играли значительную роль, а для написания взвешенной коллективной биографии таксидермиста в Российской империи нужны дальнейшие исследования.

Самая известная работа, где обсуждается развитие отечественной таксидермии, — книга М.А. Заславского (1979) «Ландшафтные экспозиции музеев мира», которой уже почти полвека. Кроме того, Заславский строит свои обобщения на анализе неполных данных о препараторах практически единственной институции — Зоологического музея ИАН в Санкт-Петербурге. Однако условия работы препараторов Зоологического музея ИАН могли отличаться от положения дел в других музеях

¹ Из одного экземпляра животного даже в XVIII–XIX вв. иногда монтировали два экспоната — чучело и скелет. Для этого изготавливался муляж черепа, а в случае необходимости — муляжи копыт.

(в первую очередь университетских), а также от условий работы в коммерческой таксидермии.

В статье мы расскажем о таксидермисте, чья подготовка и карьера мало укладывается в предложенную Заславским схему. Августус Шустерус (около 1805 г. — не ранее 1871 г.), был консерватором Виленской медико-хирургической академии, а затем университета св. Владимира в Киеве. Августус Шустерус интересен не только как талантливый практический натуралист, но и как один из создателей зоологической институции. Менее заметный для историков науки, чем профессор или доцент, он был важным участником процесса создания, а потом и пересборки университетского зоологического кабинета. Мы не должны забывать, что более или менее успешное перемещение из одного города в другой таких сложных структур, как научный музей, достигалось не только (и не столько) решением имперских сановников, но и кропотливым трудом «маленьких» людей.

Первая часть нашей статьи представляет собой биографию Шустеруса. Отследить его жизненный путь нам помогли документы о чучелах и скелетах зубров, смонтированных им, поэтому во второй части статьи мы расскажем о том, как и зачем в 1820–1840-х гг. в Вильне изготавливались эти экспонаты. Мы проанализируем, что именно тела зубров, превращенные в музейные экспонаты, сообщают нам о Шустерусе и о его месте в ученой среде.

«Августус Шустерус есть хороший практический зоолог, искусный рисовальщик, егерь и ветеринарный врач»

О происхождении Августуса Богумиловича Шустеруса (по польским документам — Augustyn Szusterus syn Bogumiła, в некоторых русских документах — Август Шустер) нам пока известно только то, что сказано в его формулярных списках. Нами обнаружены три из них: 1834, 1841 [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035; Ф. 567. Оп. 2. Д. 4986] и 1865 гг. [РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 565]. Августус родился около 1805 г. в семье римско-католического вероисповедания, по-видимому, довольно скромного достатка. Формулярный список 1834 г. говорит, что он происходил «из иностранцев», а списки 1841 и 1865 гг. — «из дворян». Представители польской шляхты должны были подтверждать дворянское происхождение [Свод 1876: 73–78], и записи о таковом делались только после предоставления соответствующих документов, так что сравнительно позднее указание на дворянское происхождение нужно связывать не с возможностью ошибок, а с тем, что Шустерус не сразу представил все нужные бумаги.

Формулярный список Шустеруса 1834 г. сообщает, что он окончил Олькеницкое училище¹ [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035. Л. 3–7]. В начале XVII в. в Олькениках был основан францисканский монастырь, при котором в 1777 г. была открыта церковно-приходская школа [ВЛЭ 2014, XXIV]. В отчете Виленской медико-хирургической академии за 1840 г. указано, что Шустерус учился в Меречском училище² [РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 401. Л. 61]. В Меречи была уездная школа при доминиканском монастыре [ВЛЭ 2008, XIV]. Возможно, Шустерус учился и в той, и в другой школе.

В сентябре 1822 г. [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035. Л. 3–7], по другим данным — в 1821 г. [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1036. Л. 4–5] Шустерус начал службу помощником прозектора зоотомического кабинета Виленского университета, устроенного профессором Боянусом³. Создатель кафедры скотолечения и зоотомического кабинета при ней Людвиг Боянус (1776–1827) известен как крупный специалист по сравнительной анатомии. Он был учеником Жоржа Кювье, а Лоренц Окен охотно публиковал в “Isis”⁴ статьи Боянуса и печатал хвалебные рецензии на его книги [Райков 1952]⁵.

В сентябре 1823 г. Августус Шустерус поступил на ветеринарное отделение Виленского университета. В июне 1826 г. он выдержал экзамен и получил звание ветеринарного помощника 1-го отделения⁶. Еще через год, в июне 1827 г., Шустерус был назначен помощником консерватора университетского зоологического кабинета [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035]. Осенью того же года в Виленский зоологический кабинет перебрался из Варшавского университета «искусный чучельник» Феликс Бруннер [Bieliński 1907]. В марте 1830 г. Шустерус сдал экзамены следующей ступени и получил звание ветеринарного лекаря 1-го отделения. Следует подчеркнуть, что в Виленском университете с 1810-х гг. имелись одновременно зоологический (на физико-математическом факультете) и зоотомический (на медицинском) кабинеты, что было в то время исключительным

¹ Местечко Олькеники (Valkininkai) находится примерно в 50 км на юго-запад от Вильнюса.

² Меречь (ныне г. Merkinė) располагается примерно в 100 км на юго-запад от Вильнюса.

³ Боянус работал в Виленском университете с 1806 по 1824 г.

⁴ “Isis” был одним из ведущих научных журналов своего времени. Л. Окен (Lorenz Oken, 1779–1851) многие годы был его редактором.

⁵ Несмотря на то что после статьи Райкова был опубликован целый ряд работ о Боянуса на разных языках, именно райковский анализ научного вклада Боянуса остается самым содержательным с точки зрения когнитивной истории науки.

⁶ 1-е и 2-е отделение характеризовали степень успешности выпускников; выпустившиеся по 1-му отделению имели более высокие оценки.

явлением¹ и обеспечило Шустерусу весьма солидную научную подготовку.

Шустерус изучал искусство таксидермии под руководством Боянуса, прозектора Генрика Лаупмана², а затем и консерватора Феликса Бруннера. Авторы работ по истории таксидермии заявляют, что таксидермисты стали получать научное и художественное образование только в последней четверти XIX в. [Заславский 1979], однако биография Шустеруса говорит о другом. Шустерус начал заниматься рисунком под руководством Боянуса: даже на фоне других сравнительных анатомов Боянус считался превосходным рисовальщиком. Позднее, в 1827–1832 гг. Шустерус занимался у директора художественной школы при университете классициста Ивана Францевича Рустема³ [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1036].

Уже студентом Шустерус выказал талант к таксидермии и добился некоторого признания как профессионал: в качестве помощника консерватора он несколько раз получал дополнительные выплаты за изготовление чучел и других зоологических препаратов. Одна из наград (100 руб. серебром) была вручена «за содействие консерватору Бруннеру в изобретении лучшего способа делания звериных чучел» [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035. Л. 3–7] (к сожалению, документ не разъясняет, в чем заключался метод).

Также еще во время учебы Шустерус был практикующим ветеринаром. По крайней мере трижды он совершал командировки в пределах Виленской губернии для организации санитарных мер против эпизоотий: летом 1826 г., летом 1827 г. и зимой 1831–1832 гг. [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2065; Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035. Л. 3–7]. «Санитарные меры» тогда чаще всего означали полицейские действия: организацию карантинных и забой подозрительного скота.

Карьерные перспективы Шустеруса как практического зоолога в Вильне выглядели надежными, однако летом 1832 г. после подавления Польского восстания Виленский университет был закрыт. Медицинский факультет продолжил существование в виде Виленской медико-хирургической академии с присоединением к ней естественно-научных кафедр физико-математи-

¹ Для большинства университетов уставы 1804 г. предусматривали только одну кафедру естественной истории. Профессор должен был читать все три ее части (ботанику, зоологию и минералогию) и обычно специализировался по первой из них. Две кафедры имелись только в Москве, где на средства П.Г. Демидова была создана кафедра для Г.И. Фишера фон Вальдгейма, и в Виленском университете, устав которого изначально предусматривал две кафедры — ботаники и естественной истории (профессор последней читал зоологию и минералогию).

² Henryk Laupman, 1786–1855 [Sławiński 1931: 202–206; Słownik biologów polskich 1987: 320].

³ Jan Rustem, 1762–1835. Рисование фигурировало в kurikulumе университетов первой половины XIX в. наряду с танцами, фехтованием и верховой ездой.

ческого факультета, но Шустерус должен был искать себе новое место работы. В 1833 г. он получил пост губернского ветеринарного врача в Пскове [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035. Л. 3–7]. К этому времени Августус уже имел семью: в формулярном списке 1834 г. указаны два сына — Мартин и Адольф. Имя жены — Матильда Петронелла — имеется в формулярном списке 1865 г., а ее фамилия читается не совсем уверенно — Rogatson⁴ [РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 565. Л. 6–23].

В 1834 г. в Вильне умер учитель Шустеруса Феликс Бруннер. Поначалу должность препаратора Виленской академии не была объявлена вакантной. Однако практически в это же время академия объявила конкурс на вакансию ученого кузнеца [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035]. Такая должность (иногда под названием техник-кузнец) существовала при некоторых высших учебных заведениях по крайней мере до начала Первой мировой войны. Уход за копытами лошадей был одной из важнейших задач ветеринаров, а курс кузнечного мастерства обязательно входил в их подготовку.

Шустерус подал документы и к январю 1835 г. был признан наиболее предпочтительным кандидатом из трех на эту должность. В мае он приступил к работе в Виленской академии [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035]. Краткосрочные перспективы решения Шустеруса вернуться в Вильну можно считать рискованными, так как должность ученого кузнеца — это шаг вниз по карьерной лестнице для губернского ветеринара. Тем не менее желание вернуться в большой город, в ученую корпорацию, хотя бы и на скромную должность, судя по всему, возобладало.

Сохранившиеся обзоры лекций Виленской академии сообщают, что по крайней мере с ноября 1835 г. Шустерус преподавал теориюковки лошадей три раза в неделю, а практику — ежедневно [Beliński 1889: 105]. Разумеется, профессора академии знали о мастерстве Шустеруса как таксидермиста, и он параллельно выполнял обязанности консерватора зоологического кабинета, получая вознаграждения за изготовление экспонатов. В частности, кабинет пополнился чучелами таких крупных и сложных для монтировки животных, как белый медведь и верблюд⁵, а также кабан, гиена и рысь [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1041; Д. 1036]. Средства, сэкономленные на жаловании препаратора, шли не только на разовые выплаты Шустерусу,

⁴ В метрике сына Августина 1847 г.р. фамилия матери записана Rogattion [ДАЖО. Ф. 178. Оп. 51. Д. 548. Л. 42]. Мы не смогли найти других упоминаний этой фамилии, и остается предполагать, что фамилия была записана не совсем правильно.

⁵ Экспонаты крупных животных сложнее в монтировке хотя бы из-за необходимости делать прочный каркас. Так, у Шустеруса зимой 1841–1842 гг. на изготовление чучела зубра ушло 55 фунтов железа и еще 35 фунтов — на скелет [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4806. Л. 23–24].

но и на закупку зоологических, зоотомических и анатомических экспонатов [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 3854].

У Шустеруса было много работы по зоологическому кабинету еще и в связи с тем, что таксидермисты, работавшие до него и до Бруннера, не использовали токсинов для консервации чучел¹: «По причине дурного устройства прежних чучел, кои набивались только лошадиными волосами, без примеси мышьяка, ни даже двухлористой ртути, некоторые экземпляры совершенно испортились» [РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 401. Л. 28].

В марте 1837 г. Шустерус по выслуге лет был произведен в коллежские секретари со старшинством с мая 1834 г., а в ноябре 1838 г. — в титулярные советники со старшинством с июля 1837 г. Формулярный список 1865 г. упоминает командировку в ноябре 1837 г. в Белосток «для приема инструментов, белья, столовой посуды и проч., оставшегося после упразднения Белостокского повивального института² и отданного Виленской академии» [РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 565. Л. 6–23].

В 1838 г. Виленская медико-хирургическая академия восстановила должность консерватора зоологического кабинета. Не исключено, что профессор зоологии и сравнительной анатомии Э.И. Эйхвальд (1795–1876) был против кандидатуры Шустеруса, так как в свое время конфликтовал с его учителем Бруннером³. Во всяком случае Эйхвальд пытался переманить в Вильну сначала консерватора из Бреславльского университета, а затем из Кёнигсбергского, но оба университета, не желая терять своих сотрудников, подняли им жалование [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1036. Л. 3, 6–8, 20]. Этот сюжет демонстрирует, что даже если профессора редко писали о важной роли незаметных техников, они хорошо понимали их значение для функционирования естественно-исторических институций, а университеты конкурировали между собой, пытаясь заполучить лучших из них. Как мы увидим ниже, в 1840-х гг. Шустерус сам стал тем, из-за кого соперничали два университета.

Несмотря на позицию Эйхвальда, конференция Виленской академии пришла к выводу, что лучшим претендентом должен считаться Августус Шустерус: «как русский уроженец, Шустерус имеет преимущества перед неизвестным по своему искусству

¹ Хотя использование ядов для обработки шкур (в частности, мышьякового мыла) применялось уже во второй половине XVIII в., многие считали этот метод неэффективным и/или опасным. Фарбер заявляет, что полное признание метод получил только в 1830-х гг. [Farber 1977].

² Белостокский повивальный институт (1802–1837) — двухлетнее учебное заведение для подготовки акушеров.

³ Сохранились письма от Эйхвальда и Бруннера ректору академии со взаимными обвинениями. К примеру, Эйхвальд возмущался тем, что Бруннер не дает на лекции нужные препараты, а Бруннер — что студенты во время занятий портят ценные чучела [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 1626].

иностранцем», он «всегда был усерден и отличного поведения» [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1036. Л. 7]. Все же из-за мнения Эйхвальда решение вопроса затянулось, и Шустерус должен был сдавать теоретический и практический экзамены. В рамках последнего он изготовил чучела «киргизской лошади», леопарда, лисицы, нескольких птиц, в том числе белого гуся и соловья, а также щуки. Комиссия отметила, что чучела сделаны «без малейшего изъяна, прочностью и отличностью работы заслуживают внимания». В июне 1839 г. Шустерус был утвержден в должности консерватора [LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1036. Л. 23–24, 26], но некоторое время продолжал преподавание курсаковки лошадей [Beliński 1889: 109].

Виленская медико-хирургическая академия, созданная на обломках университета после его разгрома, просуществовала всего одно десятилетие: в 1841 г. было завершено строительство зданий для медицинского факультета Университета св. Владимира, и большая часть финансирования, штатов и имущества Виленской академии стали передаваться в Киев. Решение о закрытии Виленской академии было принято еще в апреле 1840 г., когда медико-хирургические академии в Вильне и Москве были переданы из Министерства внутренних дел в Министерство народного просвещения, чтобы присоединить их соответственно к Киевскому (что состоялось в 1842 г.) и Московскому (в 1845 г.) университетам.

Университет св. Владимира в Киеве создавался на базе польскоязычных Кременецкого лицея и Виленского университета, причем правительство надеялось переносом учебного заведения во «внутренние» губернии с более высокой долей русскоязычного населения лучше контролировать «польский элемент». Однако во второй половине 1830-х гг. этот «польский элемент» в Университете св. Владимира все еще был силен: инспектора, надзиравшие над студентами, находили прокламации польских патриотических обществ. Это означало, по мнению правительства, что требуются дополнительные меры для превращения университета в центр русификации западных губерний [Владимирский-Буданов 1884: 164]. К тому же в 1838 г. на территории Виленской и соседних губерний были арестованы члены Содружества польского народа. Имперское правительство утвердилось в мысли, что Виленская медико-хирургическая академия должна быть закрыта как «последнее убежище ложного патриотизма» в западном крае» и что ее заменит новый медицинский факультет Университета св. Владимира в Киеве [Рождественский 1902: 300].

Большинство профессоров закрытой Виленской академии оставили преподавание, и только двое переехали в Киев: уроженец

Курляндской губернии Э.Э. Мирам и выпускник Харьковского университета И.Ф. Леонов. Решение о переезде в Киев принял и Шустерус.

К началу 1840-х гг. Шустерус приобрел авторитет в академической среде. Его приглашал на службу не только Университет св. Владимира, но и Казанский. Оба университета были готовы выплачивать Шустерусу большее жалование, чем это полагалось по штату¹. Шустерус выбрал Киев, по его словам, из-за того, что именно в этот университет ушла большая часть курируемой им виленской зоологической коллекции [РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 614]. Киевские профессора Э.К. Гофман² и В.А. Караваев³, командированные в Вильну для «содействия учрежденному в сем городе Комитету для распределения учебных пособий Виленской академии», так объясняли попечителю Киевского учебного округа и министру народного просвещения необходимость перемещения Шустеруса в Киев:

Шустерус есть ученик известного чучельника Бруннера и сам большой мастер своего дела. Он набивает самых больших зверей по новой методе, так называемой пластической, т.е., он prepares сперва грубый скелет животного из дерева, на котором он образует посредством тряпок и папье-маше все мышцы, кости и вообще все видимые наружные возвышения, наконец натягивает на него шкуру, через что делается более натуральный вид животного, нежели посредством старого способа набивания хлопками. Сверх того, получается та выгода, что не заводится моль внутри животного. Так как Шустерус есть хороший практический зоолог, искусный рисовальщик, егерь и ветеринарный врач, то ему уже знакома фигура большей части животных, и он, прежде нежели начать работу, изготовляет всегда точный съёмок животного; этот, еще не везде употребляемый способ набивки сделал то, что большая часть самых больших животных в академическом кабинете очень хороши. Так как Шустерус будет запаковывать в Вильне зверей и птиц, назначенных для Университета св. Владимира, и их форма более или менее пострадает в дороге, то было бы <...> желательно, чтобы он сам их в Киеве распаковал и поставил на место, где он мог бы дать их прежнюю форму, кроме того, из Вильны берется большое количество шкур, и Киевская рабо-

¹ Преподаватели и служащие Виленского университета имели более высокое жалование, чем те, кто служил в других российских университетах. Виленская академия сохраняла тот же высокий уровень выплат. Однако профессорам урезали пенсии и финансирование кабинетов [Beliński 1889: 115].

² Эрнст Карлович Гофман (1801–1871) — профессор минералогии и геогнозии Университета св. Владимира.

³ Владимир Афанасьевич Караваев (1811–1892) — профессор хирургии Университета св. Владимира.

та отличится очень от Виленской, если чучелы не будут сделаны таким же искусным работником [РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 614. Л. 1–2].

Эта характеристика кажется нам важной. Заславский (1979) заявлял, что скульптурная таксидермия появилась во второй половине XIX — начале XX в. и вместе с ней зарождалась традиция научной и художественной подготовки таксидермистов. Работы более ранних мастеров Заславский характеризовал нелестно: безжизненный вид, статичная поза на ходульных прямых ногах, бочонкообразные туловища, отсутствие костно-мышечного рельефа. Однако в той же книге Заславский описывал некоторые чучела совершенно другими выражениями. Слона, изготовленного для Санкт-Петербургской Кунсткамеры в 1800-х гг., он назвал «великолепным образцом таксидермического искусства», который был сделан на скульптурном манекене — «достижении таксидермии XX в.» [Заславский 1979: 133]. Такие исключения дают основания предполагать, что скульптурная таксидермия или некоторые ее элементы могли появиться на несколько десятилетий раньше, чем указывал Заславский. Вероятно, не все таксидермисты были готовы делиться профессиональными секретами, и поэтому те или иные технологии распространялись медленно или оказывались забытыми, как, например, метод, по которому был сделан вышеупомянутый слон¹. Характеристика работ Шустеруса, сделанная Гофманом и Караваевым, также свидетельствует в пользу более раннего возникновения элементов скульптурной таксидермии. Мы обращаем внимание и на то, что Гофман и Караваев пользовались специальным термином для обозначения применяемого Шустерусом метода.

Всю весну и лето 1841 г. Шустерус упаковывал зоологические предметы для Киева, а дублиеты — для некоторых других учебных заведений [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4921]. Нам не удалось найти каталогов зоологических предметов, отправляемых в Киев, только указания на число экземпляров. Для Университета св. Владимира Шустерус упаковал 20 594 экземпляров, из них 126 млекопитающих, 742 птицы, 229 амфибий (очевидно, в их число вошли и рептилии), 433 рыбы, 13 065 насекомых, 68 «скорлупняков» (крупных ракообразных), 18 «арахнидов» (паукообразных), 20 моллюсков (вероятно, имелись в виду их спиртовые препараты), 4277 раковин, 307 червей, 84 «шероховиков» (так называли иглокожих), 290 «полипников» (вероятно,

¹ Известный пример медленного распространения технологии — использование мышьякового мыла для обработки шкур, что хорошо защищало чучела от большинства вредителей. Ж.-Б. Бекёр (Jean-Baptiste Vessier, 1718–1777), изобретатель этого метода, держал его в тайне, так что секрет стал известен только после его смерти [Farber 1977].

скелетики кораллов) и 935 «окаменелостей» [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4921. Л. 12].

Имущество Виленской академии раздавалось в несколько учебных заведений. Их зоологические кабинеты чаще всего просили чучела зубров и бобров, а также *plica polonica* (колтун польский, считавшийся местной болезнью [Klajumaitė 2013]) [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4806]. И если дублиеты бобров и колтунов имелись, то лишние зубры отсутствовали (оба имевшихся зубра были отправлены в Киев), что имело последствия для Шустеруса.

В августе 1841 г. Шустерус закончил упаковку зоологических предметов, распродал имевшееся хозяйство и собирался с семьей в Киев, однако отъезд пришлось отложить. Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия, а затем и Московский университет потребовали чучела и скелеты зубров для своих коллекций [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4806], а Шустерус был признан лучшим потенциальным исполнителем такого задания. Его отъезд в Киев был отложен, как оказалось, еще на год, но все вопросы, связанные с изготовлением зубровых чучел, мы обсудим во второй части статьи.

Перемещение имущества Виленской академии было связано с массой сложностей, но весной 1842 г. большая часть зоологических коллекций была перевезена в Киев [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 5063]. Шустерус прибыл в Киев сентябре 1842 г., после того как закончил изготовление трех зубров и проследил за их отправкой.

Зоологический кабинет Университета св. Владимира был образован из коллекций Кременецкого лицея. К началу 1835 г. в нем имелось 11 321 вид насекомых, 32 вида млекопитающих, 113 видов птиц и т.д., в общей сложности 13 664 вида в 28 947 экземплярах [Историко-статистические записки 1884: 110]. Первым преподавателем зоологии был адъюнкт А.Л. Андржейовский (1785–1868), который прибыл в Киев из Кременца. В 1839 г. адъюнктом был назначен А.Ф. Миддендорф (1815–1894), вскоре ставший экстраординарным профессором. Миддендорф, имея широкие связи среди коллег и будучи страстным охотником и полевым натуралистом, активно пополнял кафедральную коллекцию как самостоятельно, так и через обмен. К началу 1842 г. коллекция составила уже 16 063 вида, число млекопитающих увеличилось до 79 видов, а птиц — до 453 [Историко-статистические записки 1884: 110]. Однако путешествия привлекали Миддендорфа больше, чем преподавание, и в мае 1842 г. он оставил университет ради сибирской экспедиции [Сухова, Таммиксаар 2015]. В январе 1843 г. в Киев приехал Карл Федорович Кесслер (1815–1881), а до его приезда зоологию читал профессор физиологии Э.Э. Мирам.

Профессор К.Ф. Кесслер описывал Виленскую часть зоологического кабинета как наиболее замечательную: «Зоологическая коллекция Кременецкого лица, сполна поступившая в Университет св. Владимира, послужила основанием для его зоологического кабинета. Но коллекция эта состояла по преимуществу только из раковин и насекомых. Число позвоночных в ней было весьма незначительно; притом же млекопитающие и птицы были набиты дурно и без надлежащих предосторожностей, так что они скоро подверглись совершенной порче <...>. Что касается до коллекции Виленской академии, то она была разделена между университетами Дерптским и Киевским, однако <...> последнему досталась большая и лучшая часть ее. Для сохранения этой коллекции были приняты все нужные меры, так что в ней произошла самая малая убыль. Многие из принадлежащих к этой коллекции набитые животные: млекопитающие, птицы, рыбы, земноводные — замечательны по красоте экземпляров и отличной препаровке их» [Богданов 1882: 309–310].

М.Н. Богданов, младший коллега К.Ф. Кесслера и автор биографии последнего, рассказывал не только о коллекции, но и о ее хранителе, Шустерусе. Богданов характеризовал Шустеруса (очевидно, со слов Кесслера) как искусного таксидермиста, который «в мастерстве препаровки» не уступал «ни одному русскому препаратору, включая И.Г. Вознесенского», и даже сравнивал его с Конселем из романа Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой» [Богданов 1882: 311].

Богданов так пересказывал слова Кесслера: «Каждый раз, когда заходил у нас с К.Ф. разговор о нуждах петербургского зоологического кабинета, он неизбежно вспоминал Шустеруса, горюя, что нет у нас подобного человека. Этими воспоминаниями личность Шустеруса очертилась мне как живая. Август Богумилович Шустерус был консерватором зоологического кабинета в Виленской академии. Когда ее закрыли в 1842 г., вместе с коллекциями, Шустерус явился в Киев и определен там консерватором. Вскоре приехал К.Ф. Из дневников его, из отчетов по кабинету видно, что они скоро сошлись. В редкой экскурсии Кесслера около Киева не участвовал Шустерус. Не было отчета по кабинету, где К.Ф. не восхвалял бы своего Шустеруса» [Богданов 1882: 311–312].

Упомянутые Богдановым отчеты стоит искать в архивах Киева, так как в отчеты университета, подававшиеся в Санкт-Петербург, эта информация не вошла. Лишь в самом первом из них, за 1843 г., Кесслер упоминает консерватора, рассказывая, что кабинет лишился множества чучел: «Убыль эта произошла от того, что до прибытия консерватора Шустеруса в Киев зооло-

гический кабинет не имел собственного набивальщика, так что животные были набиваемы чрезвычайно дурно и подвергались порче от моли» [РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 816. Л. 57].

Нам пока удалось обнаружить лишь несколько документов о службе Шустеруса в Университете св. Владимира. Это строго формальные бумаги, например о выдаче ему наград из экономических сумм университета без указаний, какие именно препараты изготовлены¹. В 1844 г. рассматривалась возможность его перевода в Московский университет [ЦДІАК. Ф. 707. Оп. 10. Д. 1796]. Из бумаг 1840-х гг. следует, что Шустерус обучал таксидермии двух мальчиков из крестьян, приписанных к университетским деревням².

О.М. Паульсон, приват-доцент, а затем профессор Университета св. Владимира и автор очерка по истории его зоологического кабинета, так описывал роль Шустеруса в изучении местной фауны: «Вместе с Виленским музеем перешел в Киевский университет весьма искусный preparator и охотник А.Б. Шустерус, который в значительной степени содействовал возрастанию кабинета при К.Ф. Кесслере <...>. Ввиду такого помощника, как А.Б. Шустерус, проф. Кесслер задался мыслию изучить местную фауну и с этой целью неоднократно предпринимал экскурсии по губерниям, причисленным к Киевскому учебному округу. Плодом такого труда явилась образцовая коллекция представителей местной фауны преимущественно из отдела позвоночных животных» [Историко-статистические записки 1884: 113–114].

Паульсон мог допустить неточность. По мнению Богданова, стимулом для Кесслера в изучении фауны Киевского учебного округа стало не наличие ценного помощника, а задание попечителя Киевского учебного округа и генерал-губернатора Юго-Западного края Д.Г. Бибикова [Бунге 1853; Богданов 1882]. В РГИА сохранились несколько отчетов Кесслера об экскурсиях по губерниям Киевского учебного округа, но Шустеруса они не упоминают, хотя некоторые из них довольно подробны и перечисляют самых интересных животных, добытых для казенной коллекции [РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 293; Д. 851].

С 1861 г. Университет св. Владимира печатал «Университетские известия», где публиковались его регулярные отчеты и протоколы заседаний совета. Из них выясняется, что в 1861 и 1862 гг.

¹ См., к примеру, дело 1843 г., где речь идет о дополнительной выплате Шустерусу 250 руб. серебром: [ЦДІАК. Ф. 707. Оп. 9. Д. 312].

² С 1849 г. эти мальчики (Семен Сильвестеров и Иван Седюк, по другим документам — Иван Федюк или Федюнин) получали жалование от университета как ученики при зоологическом кабинете [ЦДІАК. Ф. 707. Оп. 87. Д. 2139].

Шустерус принимал участие в съездах естествоиспытателей в Киеве. Он не делал докладов, а протоколы не упоминают его высказываний в прениях, но очевидно, что именно он демонстрировал участникам съездов зоологический кабинет и его коллекции [Известия о съезде 1861; Второй съезд 1862].

В 1864 г. Шустерус производил «набивку шкур, которые оставил ему профессор Кесслер, до 200 штук», а также «принесенные в дар графом Мнишком 42 шкуры американских редких птиц» [Протоколы 1865а: 31]. В 1865 г. Житомирская гимназия решила, что при кабинете естественной истории полезно было бы иметь чучела местных птиц. Шустерус согласился составить такую коллекцию в свободное от своих занятий в университете время и выслал список с ценами на чучела [Протоколы 1866а]¹. Осенью 1868 г. Шустерус был занят набивкой очередной партии шкур (около 500 штук) и не справлялся с обязанностями по второму — зоотомическому — кабинету. В то время из назначенных по штату 1863 г. шести лаборантов университет имел только четырех, поэтому на год в зоотомический кабинет был принят лаборантом стипендиат университета Н.В. Бобрецкий² [Протоколы 1869].

В декабре 1864 г. физико-математический факультет обсуждал достижение Шустерусом 25-летнего срока службы, а в связи с этим — назначение ему пенсии, а также вопрос об оставлении его на дополнительный пятилетний срок. Так как кафедра зоологии в тот момент была вакантна³, характеристику Шустерусу подготовил профессор геологии К.М. Феофилакт (1818–1901): «[И]скусство г. Шустеруса набивать чучелы достигло высокой степени. Его работы украшают не только наш кабинет, но также кабинеты Петербурга, Москвы, Штокгольма, Лондона и многих других городов⁴. <...> Искусство г. Шустеруса не могло умалиться с годами: силы его еще вполне достаточны для такого рода механической работы. Удалением г. Шустеруса из университета зоологический кабинет понесет надолго незаменимую утрату в искусном набивальщике. Приискать лицо, которое было бы научно приготовлено и владело бы в такой степени искусством набивать чучелы, как г. Шустерус, дело весьма нелегкое. Поэтому я полагаю, что физико-математический факультет найдет с своей стороны необходимым ходатай-

¹ Сведений о том, была ли коллекция изготовлена, у нас не имеется.

² Николай Васильевич Бобрецкий (1843–1907) — профессор зоологии (с 1877) и ректор (1903–1905) Киевского университета.

³ После отъезда Кесслера в Петербург в 1862 г. кафедра зоологии оказалась незанятой до 1865 г., когда в Киев приехал О.М. Паульсон. В течение этих трех лет зоология в университете не читалась [Историко-статистические записки 1884: 117].

⁴ Речь идет, скорее всего, о чучелах зубров.

ствовать перед советом университета об оставлении г. Шустеруса еще на 5 лет в должности» [Протоколы 1865а: 30–31]. Второй отзыв составил профессор ботаники А.С. Рогович, который также высоко оценивал мастерство и заслуги Шустеруса и присоединялся к предложению оставить его в должности еще на пять лет [Протоколы 1865а: 31].

Из формулярного списка, предоставленного в Департамент народного просвещения в январе 1865 г. [РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 565. Л. 6–23], видно, что в 1858 г. Шустерус получил медаль в память Крымской войны 1853–1856 гг. на Андреевской ленте, а в 1860 г. — знак отличия за 25 лет беспорочной службы (по другим данным, медаль была получена в 1861 г. [ЦДИАК. Ф. 707. Оп. 36. Д. 364]). В 1864 г. по выслуге лет он был произведен в коллежские асессоры со старшинством с 18 июня 1863 г. Его жалование составляло 571 руб. 80 коп. серебром в год [Отчет 1864: 16–17]. В это время его семья состояла из жены и шести детей: Адольфа, родившегося приблизительно в 1833 г., Казимира, 1853 г.р., Анны, 1838 г.р., Иоанны, 1840 г.р., Эмилии и Людовики, 1844 г.р. [РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 565. Л. 6–23]. Формулярный список 1865 г. не упоминает сыновей Мартина (около 1831 г.р.) и Оттона (около 1835 г.р.) — очевидно, оба они умерли между 1841 и 1865 гг. Жили Шустерусы в университетской квартире, состоявшей из трех комнат и кухни [Протоколы 1865б: 23].

При рассмотрении вопроса о пенсии в Департаменте народного просвещения оказалось, что годы службы Шустеруса в качестве помощника консерватора в Виленском университете не шли в зачет 25-летней выслуги, дающей право на пенсию, равную жалованью, а служба в должности консерватора шла в расчет 7 лет за 5. Департамент заявил, что нужный срок выслуги будет достигнут только к 1867 г. [Протоколы 1866б: 8–9]. Весной 1867 г. вопрос о назначении пенсии Шустерусу и оставлении его еще на одно пятилетие был поставлен снова [Протоколы 1867: 1–16]. Окончательно вопрос о пенсии был решен к началу 1870 г. [Протоколы 1870а: 6–7]. В апреле 1870 г. Шустерус был уволен из университета, но проработал в зоологическом кабинете по вольному найму до начала августа [Протоколы 1870б: 14]. В мае этого же года ректор университета включил Шустеруса в число тех, кого за долгую беспорочную службу (35 лет) предполагалось наградить орденом св. Владимира IV степени, и в 1871 г. этот орден был вручен [ЦДИАК. Ф. 707. Оп. 36. Д. 364].

Нам пока не удалось найти более поздних сведений об Августусе Шустерусе. Его имени нет ни в списках членов Киевского общества естествоиспытателей, организованного в 1869 г.,

ни в списке участников III съезда русских естествоиспытателей, проходившего в Киеве в 1871 г. Старший из его сыновей, Адольф, избрал военную карьеру [Дьяков 1967: 192, 230], а Казимир был фармацевтом и зубным врачом [РГИА. Ф. 487. Оп. 22. Д. 101]. Поиск более подробных сведений о семье Шустерусов надо вести в архивах Вильнюса и Киева.

Зубры как свидетельства

Наиболее подробные документы, характеризующие работу Шустеруса как таксидермиста, сохранились в делах о чучелах и скелетах беловежских зубров, изготовленных им в Вильне. В каком-то смысле эти зубры могут считаться свидетельствами жизни и работы Шустеруса — без них он пополнил бы армию рядовых тружеников науки, следы которых теряются через одно-два десятилетия.

В XIX в. беловежский зубр *Bison bonasus* (Linnaeus, 1758) был желанным объектом для натуралистов и естественно-исторических музеев из-за своего неопределенного таксономического статуса, а также обсуждения вопросов вымирания мегафауны. Это крупнейшее из сохранившихся млекопитающих Европы интересовало и широкую публику — как животное, привлекавшее одновременно характеристиками «отечественного» и «экзотического» зверя. На зубров охотились короли и герои былых времен, они имеют «дикий», «первобытный» вид, они очень крупные и крайне редкие. Последние две особенности, увеличивая ценность зубра, делали получение подобного экспоната неординарной задачей даже для больших музеев: сложности получения зубра были сравнимы с получением экспоната из экзотических стран. Поэтому российские императоры не раз использовали зубровые чучела (а позднее и живых зубров) в качестве дипломатических подарков, а российские зоологические музеи — для обмена на нужные им экспонаты [Fedotova et al. 2018; Федотова 2018]. Так как охота на зубров Беловежской пушчи была запрещена императорским указом (1802), то и решения об их отстреле принимались только с высочайшего разрешения. Получение этого разрешения и последующие шаги по превращению живого зубра в мертвый, но способный существовать многие десятилетия экспонат [Would 2021] оставляли бумажные следы, и переписка по этим вопросам является для нашей статьи весьма значимым источником.

Первый раз Виленский университет просил разрешения на отстрел зубров для своей зоологической коллекции вскоре после того, как удостоился статуса императорского (1803), но получил отказ. Как уже сказано, в 1802 г. Александр I по примеру поль-

ских королей запретил охоту на зубров Беловежской пушчи¹. Университет получил зубров существенно позже, в результате настойчивых просьб профессора Боянуса и интенсивной переписки ректора с правительственными ведомствами. Разрешение на отстрел было дано в конце 1820 г., и в январе 1821 г. в Беловежскую пушчу отправился прозектор Виленского зоотомического кабинета Генрик Лаупман [Fedotova et al. 2018].

В письмах, обосновывающих необходимость отстрела зубров для университетской коллекции, Боянус указывал, что это редкое животное «рано или поздно вовсе истребится» и если Виленский университет не сохранит его следы «для пользы естественных наук», то естествоиспытатели будут обоснованно обвинять Виленский университет «в непростительной по сему случаю беспечности» [РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 940; Ф. 733. Оп. 99. Д. 77. Л. 6]. Аргументы Боянуса о скором неизбежном вымирании зубров оказались эффективными, и в дальнейшем такие разрешения запрашивались и удовлетворялись со сходной формулировкой. В феврале 1821 г. прозектор Лаупман привез туши двух зубров — самца и самки, из которых под контролем Боянуса он смонтировал чучела и скелет. Их описание помещено в работе Боянуса, опубликованной посмертно [Vojanus 1827].

В августе 1824 г. Лаупман вновь отправился в Беловежскую пушчу, чтобы убить двух зубров для другой академической коллекции — Кунсткамеры ИАН. Документы говорят, что он ездил с тремя помощниками [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1823). Д. 81]. Одним из них мог быть Шустерус.

Уже во второй половине 1820-х гг. чучела, изготовленные Лаупманом для Виленского университета, пришли в негодность², поэтому осенью 1828 г. совет университета вновь обратился с просьбой разрешить отстрел двух зубров. Ректор В. Пеликан объяснял, что с 1827 г. в Виленском университете работает «весьма искусный делатель чучел» Феликс Бруннер. Разрешение на отстрел самца и самки было дано с оговоркой «чтобы опять подобной оплошности при Университете не происходило». Для этого было решено, что Бруннер сначала убьет только одного зубра «так, чтобы туша наверняка не испортилась», а второе животное будет убито позднее. 9 марта 1829 г. в пушче был убит крупный зубр, самец, а 14 декабря того же года — крупная самка. Из них были изготовлены «отлично хорошие чучела» [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 1733; Д. 1626; РГИА. Ф. 733. Оп. 62].

¹ Эти территории были присоединены к России в результате третьего раздела Речи Посполитой.

² Лаупман, вероятно, пользовался при изготовлении чучел соединениями ртути, а не мышьяка, что было не вполне эффективной защитой от насекомых [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1823). Д. 81].

Д. 937]. Нужно полагать, что Шустерус, будучи в то время помощником консерватора, принимал участие в работе над ними, хотя прямых указаний на это мы не обнаружили.

В Беловежской пушке Бруннер выяснил, что время от времени лесная стража находит туши зубров, павших от естественных причин. Если такую тушу находили «в приличной сохранности», то кожу с нее снимали и продавали с торгов в счет казенных лесных доходов за довольно скромные суммы. Бруннер предложил университетской администрации договориться с лесничими и стражей пушки, чтобы такие останки отправлялись в Виленский университет, который использовал бы их для обмена с другими музеями. К XIX в. обмен натуралиями был устоявшимся и вполне эффективным средством пополнения коллекций. Музеи и частные коллекционеры рассылали друг другу списки дублетов и *desiderata*, указывая сумму, в которую они оценивали тот или иной объект. Этот способ пополнения коллекций был особенно значим для естественно-исторических музеев, не имевших существенных средств на покупку натуралий. Большинство научных музеев Российской империи попадали как раз в эту категорию.

Во время пребывания в пушке Бруннер написал краткую инструкцию по обработке шкур и костей павших зубров для одного из лесных стражников — Якова Шрётера. Предложение было одобрено советом университета, а Шрётер подтвердил обещание посылать шкуры и кости зубров [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 1733]. Однако в ноябре 1830 г. началось Польское восстание. Вся семья Шрётеров, включая жену, сыновей и дочерей, приняла в нем участие, а после подавления восстания они бежали за границу [Szretter 1893]. И в этом смысле подавление ноябрьского восстания имело последствия для Виленского зоологического кабинета не только на макро- (закрытие университета), но и на микроуровне (разрушение неформальных связей с коллекторами). Впрочем, имеются указания, что в единичных случаях подобным методом несколько зубров были получены. Так, зимой 1837 г. консерватор Кенигсбергского университета вывез из Беловежской пушки туши не только трех зубров, специально убитых для немецких зоологических музеев, но и останки зубренка, загрызенного волками [Museum für Naturkunde Berlin. BbN 1–12]. В 1839 г. местный лесничий собрал полный скелет павшего зубра, который был использован Виленской академией для обмена [НИАБГ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1064].

Трудно сказать, когда впервые в Беловежскую пушку для отстрела зубров поехал сам Шустерус. Мы уже указали на вероятность поездки в 1824 г. В 1837 г. скелет самца зубра получил Горный институт в Санкт-Петербурге. Документы указывают,

что скелет был «приготовлен при Виленской академии», но имени Шустеруса в них нет [ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4608].

Самая ранняя поездка Шустеруса в пушу, о которой есть документальные свидетельства, — ноябрь 1838 г. Этот сюжет также связан с музейным обменом. В формулярном списке Шустеруса 1865 г. значится: «17 ноября 1838 г. командирован в Беловежскую пушу для застреления трех зубров для Бреславльского, Лейденского и Франкфуртского университетов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 565]. Скелет, полученный Лейденским музеем, все еще существует и стоит в его хранилище¹ (ил. 1 на цветной вклейке). В обмен Виленская академия получила ценные зоологические экспонаты, например директор Лейденского музея К.Я. Темминк² выслал скелеты орангутанга и тропических рукокрылых [VUB RS. F 4-A696. Л. 45, 81].

Следующая поездка в пушу состоялась осенью 1840 г. Тогда Шустерусу было поручено изготовление чучела для Рейнского общества испытателей природы — Rheinische Naturforschende Gesellschaft [VUB RS. F 4-A696. Л. 121–122]. Зубр стал одним из дипломатических подарков по случаю брака цесаревича Александра с дочерью Людвига II Гессен-Дармштадтского — будущей императрицей Марией Александровной. Изготовление чучела было завершено летом 1841 г., а к концу года оно было доставлено в Майнц. Это чучело пережило две мировые войны [Quagga, Nashorn, Wisent 1989: 22–23] и до 2014 г. находилось в экспозиции, а сейчас стоит в запасниках музея³ (ил. 2 на цветной вклейке).

Как мы объяснили в первой части статьи, летом 1841 г. Шустерус закончил упаковку предметов зоологического и зоотомического кабинетов и собирался отправиться в Киев. Однако Министерство народного просвещения предписало отложить отъезд в Киев, так как Санкт-Петербургской медико-хирургической академии были обещаны два зубра [LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4757. Л. 1–2]. Шустерус остался в Вильне и в конце октября поехал в Беловежскую пушу. 13 ноября он возвратился с двумя тушами и приступил к выделке скелетов и чучел. И опять один из скелетов предназначался Штутгартскому музею, скорее всего, в обмен на препараты для Санкт-Петербургской медико-хирургической академии [LVIA. Ф. 378. Оп. 52. Д. 299; Ф. 567. Оп. 2. Д. 4757].

¹ Мы признательны за эти сведения заведующему коллекцией птиц и млекопитающих П. Камминге (Dr. Pepijn Kamminga, Naturalis Biodiversity Center).

² Coenraad Jacob Temminck, 1778–1858.

³ Нынешнее название музея — Naturhistorisches Museum Mainz. Мы признательны за сведения об этом экспонате и за предоставление фото заведующему зоологической коллекцией К. Ренкеру (Dr. Carsten Renker).

В конце октября пришло распоряжение убить еще одного зубра — на этот раз для Московского университета. Поэтому в феврале 1842 г. Шустерус снова поехал в пушу. В Вильнюсском историческом архиве сохранились документы об изготовлении этих зубровых чучел, а также о работе над зубрами для Лондонского и Копенгагенского музеев естественной истории зимой 1844–1845 гг.¹ [LVIA. Ф. 378. Оп. 52. Д. 299] и об изготовлении двух зубровых чучел зимой 1847–1848 гг.² [LVIA. Ф. 378. Оп. 55. Д. 2174].

Зубры, изготовленные зимой 1844–1845 гг., стали дипломатическими дарами: отправленный в Лондон считался подарком Николая I королеве Виктории³, а отправленный в Копенгаген — принцу Гессен-Кассельскому⁴ по случаю его бракосочетания с великой княжной Александрой Николаевной.

Из документов следует, что свои работы Шустерус производил в здании анатомического театра бывшей Виленской академии. Поездка в пушу обычно занимала около трех недель, изготовление зубров — не менее пяти месяцев, но этот срок приходилось увеличивать, так как генерал-губернатор Ф.Я. Миркович требовал личного присутствия Шустеруса при упаковке чучел для их отправки за границу. Возможно, Миркович опасался, что без внимательного надзора мастера технологически сложный процесс пойдет не вполне так, как надо. Перед упаковкой чучела должны были окончательно просохнуть, что занимало дополнительные 5–6 недель. С Шустерусом постоянно работал как минимум один помощник, в частности зимой и весной 1847–1848 гг. с Шустерусом работал его ученик по зоологическому кабинету в Киеве Иван Седюк [LVIA. Ф. 378. Оп. 55. Д. 2174].

Сохранились некоторые счета о расходах по изготовлению чучел — на выплаты поденным подсобным рабочим, на закупку гвоздей и другого железа у кузнеца, на столярные работы по изготовлению каркаса для чучел, подставок для них и для скелетов, упаковочных ящиков, за химикаты для обработки шкур (мышьяковое мыло, «крепкий спирт» и пр.), за материалы для набивки чучел и их упаковки (солома, пакля, циновки, бечевки), стеклянные глаза (их заказывали из Германии) и т.д. (ил. 3 на цветной вклейке).

¹ Тогда же был приготовлен и третий зубр. Сначала предполагалось, что он останется в Вильне «про запас», но в итоге он был отправлен в Лисино, в императорский охотничий павильон.

² О зубрах, убитых в декабре 1847 г., см. подробнее: [Федотова 2018].

³ Фактически зубр был подарен по просьбе Родерика Мурчисона, который после путешествий по России пользовался благосклонностью и царя, и Санкт-Петербургских сановников. Более того, в 1846 г. по просьбе Мурчисона в Беловежской пуше была поймана, а затем отправлена в Лондонский зоопарк пара живых зубров [Samojlik et al. 2020].

⁴ Фридрих Вильгельм, принц Гессен-Кассель-Румпенхайм по матери считался претендентом на трон Дании.

Упаковка чучел и скелетов для отправки в европейские музеи производилась в присутствии таможенного чиновника, чтобы ящики не приходилось вскрывать при пересечении границы. Доставка массивных ящиков в дожелезнодорожную эпоху представляла отдельную проблему. Зоологический обмен в 1839 г., особенно с Лейденом, обернулся для Виленской академии логистическим кошмаром, поэтому когда в начале 1840-х гг. торговый дом Геймана¹ предложил организовать доставку в европейские музеи, академия охотно на это согласилась. К тому же компания не требовала оплаты своих услуг, а только возмещения расходов. Вероятно, это делалось ради упрочнения «социального капитала» [VUB RS. F 4-A696; LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4757; Д. 4806]. Для доставки внутри империи нанимались частные извозчики. Например, на дорогу из Вильны до Санкт-Петербурга по санному пути уходило до трех недель.

Ящик с чучелом весил около 600 кг, со скелетом — почти 200. Ящик с чучелом для Копенгагена был взвешен на Виленских городских весах в ратуше перед передачей его представителю торгового дома Геймана 18 июня 1845 г. (по ст. стилю). Его вес оказался 36 пудов 30 фунтов. Ящик с чучелом для отправки в Лондон весил 42 пуда 8 фунтов, ящик со скелетом в Лондон — 11 пудов 10 фунтов [LVIA. Ф. 378. Оп. 52. Д. 299. Л. 70]. В Копенгаген чучело зубра прибыло к 1 сентября (по ст. стилю), в Лондон ящики с чучелом и скелетом прибыли на две недели позже [LVIA. Ф. 378. Оп. 52. Д. 299. Л. 95, 97]².

Из документов видно, что долгие командировки Шустеруса за зубрами шли в разрез с интересами зоологического кабинета, в котором он работал. Кто же принимал решения, что изготовлением чучел и скелетов должен заняться именно Шустерус в 1840-е гг. (т.е. в годы, когда в Вильне уже не имелось таксидермиста на государственной службе)? Межведомственная переписка показывает, что предложение поручить изготовление зубров Шустерусу в 1844 г. исходило либо от Виленского генерал-губернатора Ф.Я. Мирковича, либо от одного из его чиновников. Вероятно, в 1844 г. в канцелярии Мирковича помнили о работе Шустеруса над чучелами зубров в 1840–1842 гг.

Распоряжение командировать в пушу Шустеруса в 1847 г. исходило уже от Министерства государственных имуществ, возможно непосредственно от министра П.Д. Киселева³. Тогда

¹ Heinrich Salomon Heimann, 1777–1855.

² Лондонские чучело и скелет по-прежнему существуют (номера по каталогу NHMUK ZD 1845.10.13.1 и NHMUK ZD 1845.10.13.2), чучело экспонируется, а скелет лежит в хранилище. Мы признательны за эти сведения сотруднице музея Ф. Коккини (Phaedra Kokkini, Natural History Museum in London).

³ Беловежская пуша была казенным лесом, и управление им происходило через Лесной департамент Министерства государственных имуществ.

Зоологический музей ИАН получил высочайшее разрешение на отстрел трех зубров. Параллельно было принято решение изготовить на будущее и еще два чучела — для дипломатических подарков или музейного обмена¹. Шустерусу было предложено, кроме того, обучить азам таксидермии двух-трех беловежских лесничих. Такая командировка Шустеруса не была удобна ни Зоологическому музею ИАН, ни кафедре зоологии Университета св. Владимира, где служил Шустерус. Директор Зоологического музея ИАН Ф.Ф. Брандт надеялся, что его музей обойдется своими силами, и не хотел тратить скромные средства музея на оплату работы постороннего таксидермиста. К тому же доставка готовых чучел и скелетов сложнее и дороже транспортировки шкур и костей. В свою очередь, Университет св. Владимира и особенно профессор зоологии К.Ф. Кесслер не хотели остаться без своего препаратора на несколько месяцев.

Кесслер писал, что отъезд препаратора сопряжен с «весьма важным ущербом» зоологическому кабинету, тем более что недавно были приобретены «по случаю» шкуры «гираффы и других животных, уже несколько попорченные». Эти материалы «совершенно могут пропасть», если Шустерус не вернется в скором времени. Кроме того, «находящиеся при этом кабинете для обучения искусству набивания животных мальчики <...> состоящие под <...> руководством г. Шустеруса, необходимо отстанут в обучении». Кесслер добавлял, что лесничие не смогут «выучиться набивать больших животных» в столь краткий срок и полезнее было бы командировать их для обучения в Киев [РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 653. Л. 31–32]. Кесслера поддержал генерал-губернатор Юго-Западного края и попечитель Киевского учебного округа Д.Г. Бибииков [РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 653. Л. 30–32].

Обо всем этом министр народного просвещения сообщил в Министерство государственных имуществ, но возражения не были приняты во внимание. Глава последнего П.Д. Киселев отвечал, что императору уже сообщили о работе Шустеруса с зубрами. С бюрократической точки зрения Шустерус был прежде всего чиновником, так что не только его удобство, но и интересы его университета отступали на задний план. Что же касается обучения лесничих, Киселев пояснил, что Шустерус должен научить только «искусству снимать кожи и насыщать их против гнилости составом», что не займет много времени [РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 653. Л. 35–36]. Академии наук, впрочем, удалось дого-

¹ «Во избежание издержек на произведение каждый раз особой охоты на зубра и на особую командировку для набития чучел опытного в сем деле чиновника». Эти два чучела предполагалось хранить в палате государственных имуществ «на случай Высочайшего повеления об отпуске кому-либо таковых зубров» [РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 653. Л. 24–25].

вориться, что Шустерус не будет делать чучела для ее Зоологического музея, а только обрабатывает шкуры и кости, что уменьшало расходы.

Один из зубров, разрешенных к отстрелу для коллекции Академии наук, был убит в начале декабря 1847 г. А.Ф. Миддендорфом [Федотова 2018], четыре других — еще через пару недель на большой охоте, участником которой, вероятно, был министр П.Д. Киселев. Шустерус едва не пострадал на охоте: раненый зубр кинулся в его сторону. Шустерус был обязан своим спасением меткому выстрелу стрелка Беловежской пуши и тому, что на нем был белый полушубок. Шустерус бросился в снег, и «разъяренный и отуманенный смертельной раной» зубр его не увидел и проскочил мимо [LVIA. Ф. 378. Оп. 55. Д. 2174. Л. 28–29].

Пять убитых зубров Шустерус привез в Вильну. 1 марта 1848 г. он отправил шкуры, кости и анатомические препараты в спирту трех из них в Академию наук. Их общий вес составил почти 900 кг. А.Ф. Миддендорф получил их в Санкт-Петербурге 20 марта. В каталоге остеологического отдела Зоологического института указаны два зубра, полученные в 1848 г. Третий зубр предназначался для обменного фонда музея, поэтому вполне понятно, что записей о нем нынешний каталог не содержит. В переписке директора музея Ф.Ф. Брандта за 1848 г. сохранились *desiderata* Гейдельбергского зоологического музея. В этот список, напечатанный в типографии, сделана вставка от руки “*Bos urus*” — есть вероятность, что третий зубр ушел именно туда [СПбФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 18].

С марта 1848 г. Шустерус вместе с его учеником занялись изготовлением двух чучел зубров, снова разместившись в здании бывшего анатомического театра. Одно из этих чучел решено было хранить в Гродненской палате государственных имуществ «для показания путешествующим сановникам и ученым, нередко приезжающим в Гродно с единственной целью видеть сих редких зверей», второе было передано в Виленскую палату [LVIA. Ф. 378. Оп. 55. Д. 2174], вероятно, с такими же целями. Шустерус с учеником вернулись в Киев только в июне 1848 г. Никаких документов об обучении лесничих основам таксидермии нам найти не удалось.

В процитированной нами записке 1841 г. киевские профессора назвали Шустеруса «искусным рисовальщиком, егерем и ветеринарным врачом». До появления моментальной фотографии многое в искусстве таксидермиста зависело от того, имел ли мастер возможность наблюдать животное в природе, мог ли он запомнить и воспроизвести особенности его фигуры и движений. Когда в 1840-х гг. речь заходила о необходимости изгото-

вить зубровое чучело, Шустерус был лучшим кандидатом на выполнение такой работы. К 1840-м гг. он имел не только всестороннюю подготовку, но и опыт. В свои первые годы в Виленском университете Шустерус должен был застать работу Боянуса над статьей о зубре [Vojanus 1827] и Лаупмана над скелетом и чучелом для Санкт-Петербургской Кунсткамеры, а в 1829–1830 гг. он должен был участвовать в монтировке зубров Бруннера. Во время своих повторяющихся поездок в Бело-вежскую пушчу Шустерус имел возможность хорошо рассмотреть зубров.

Обычно музейный таксидермист монтировал чучела для «своего» музея. Однако Шустерус изготавливал зубров для музеев других городов как внутри империи, так и за ее пределами. В этих случаях он выступал в роли госслужащего, которого по решению высокопоставленного чиновника отправляли выполнять задание, никак не связанное с интересами его зоологического кабинета. Хотя Шейпин и предлагает называть людей, подобных Шустерусу, незаметными техниками [Shapin 1989], стоило бы уточнить, что незаметными они являются для историков. Зоологи-современники хорошо понимали значение таких профессионалов для функционирования ученых институций, а имя и таланты Шустеруса были известны за пределами академической среды.

Естественно-научные музеи в долгом XIX в. были участниками процесса конструирования представлений о зубрах как об исключительных животных (*iconic species*), что в итоге имело значение для спасения этого вида [De Bont 2017; Fedotova et al. 2018]. Зубры, смонтированные Шустерусом для европейских и российских музеев, стали частью этого процесса, а мастерство Шустеруса в создании фигур этих животных стало его вкладом в конструирование образа зубра и в конечном счете в сохранение этого вида.

Заключение

Служба практического зоолога как представителя университетских «незаметных техников» — это тема, малоизученная на российском материале, хотя вполне очевидно, что взаимодействие между профессорами и вспомогательным персоналом имеет огромное значение для преподавательской и исследовательской рутины любой кафедры. Августус Шустерус, препаратор Виленской медико-хирургической академии и Киевского университета в 1830–1860-х гг., чью деятельность мы рассмотрели, был как раз таким незаметным (по терминологии Шейпина), но незаменимым помощником. Мы считаем нужным добавить, что концепция Шейпина требует уточнения: неза-

метными эти техники являются только для историков, а не для современников. Наш герой отправлялся в многомесячные командировки по инициативе генерал-губернатора или министра, его имя не раз появлялось в переписке государственных сановников, он был напрямую вовлечен в производство дипломатических подарков и т.д.

Одного кейса явно недостаточно, чтобы делать выводы о службе консерватора зоологического кабинета, а также о профессии таксидермиста в Российской империи. Однако факты из биографии Шустеруса существенно выбиваются из схемы развития таксидермии, предложенной Заславским в монографии 1979 г. Последний заявлял, что скульптурная таксидермия появилась только во второй половине XIX — начале XX в., и вместе с ней возникала необходимость научной и художественной подготовки таксидермистов. Заславский критиковал работы ранних таксидермистов за их безжизненный вид, статичные позы и отсутствие костно-мышечного рельефа. Однако он же отмечал, что уже в первой половине XIX в. создавались и гораздо более совершенные чучела. Такие противоречия подтверждают, что история профессиональной подготовки и деятельности таксидермистов первой половины XIX в. нуждается в более внимательном изучении. Уже сейчас очевидно, что скульптурная таксидермия или некоторые ее элементы появились на несколько десятилетий раньше, чем заявлял Заславский. Вероятно, далеко не все мастера были готовы делиться профессиональными секретами, и поэтому те или иные технологии распространялись медленно или оказывались забытыми.

Вполне очевидно, что в таксидермию, как профессию, связанную не только с естественными науками, но и с «грязным» физическим трудом кожевника, приходила молодежь из небогатых семей, часто — самого скромного происхождения: напомним, что знаменитый препаратор Зоологического музея ИАН И.Г. Вознесенский был сыном унтер-офицера. Однако на примере Шустеруса мы видим, что в некоторых случаях молодой таксидермист мог бы занять более престижную должность, но выбрал принадлежность к университетской среде, хотя бы и в роли незаметного техника. На примере Шустеруса мы также видим, что таксидермист первой половины XIX в. мог иметь университетское образование с прекрасной подготовкой в сфере сравнительной анатомии и элементами подготовки художника. Вполне возможно, что более внимательное изучение биографий таксидермистов XIX в., в том числе коммерческих, познакомит нас и с другими искусными мастерами, получившими всестороннее образование.

Служба практического зоолога в России в первой половине XIX в. сильно зависела не только от собственных талантов и упорного труда, но и от простого везения, а также от воли начальства — слишком мал был рынок труда по этой специальности. Шустерус стал изучать таксидермию по настоянию профессора Боянуса и под влиянием хранителей естественно-научных кабинетов. После закрытия Виленского университета Шустерус перешел на ветеринарную службу и продолжил бы эту карьеру, если бы не смерть его учителя Бруннера. Переезд в Киев хотя и предполагал какой-то выбор со стороны самого Шустеруса, но больше определялся перемещением виленских коллекций в Университет св. Владимира. Решения о командировках для изготовления чучел зубров тоже принимались не Шустерусом, а имперскими чиновниками.

После закрытия Виленского университета и Виленской академии лишь два ее профессора переехали в Университет св. Владимира. Тем весомее роль переезда в Киев консерватора Августа Шустеруса. Он не только осуществил перемещение и сохранность зоологической коллекции, но и обеспечил эффективность работы кафедры сразу после переезда.

Ежедневный труд Шустеруса и изготовленные им зоологические препараты обеспечивали научный и учебный процесс в Виленской медико-хирургической академии во второй половине 1830-х — начале 1840-х гг. и почти три десятка лет — в Университете св. Владимира в Киеве. Современники, знавшие Шустеруса лично или по рассказам коллег, высоко ценили его. Судя по воспоминаниям, записанным М.Н. Богдановым со слов К.Ф. Кесслера, мастерство Шустеруса было одним из факторов, позволивших зоологическому кабинету в Киеве собрать одну из лучших университетских коллекций своего времени. Но в целом мы очень мало знаем о том, как действовал этот механизм в то время, когда Шустерус обеспечивал его нормальную работу. Как часто это бывает с хорошей технической поддержкой, ее роль заметна только тогда, когда ее нет под рукой. Значительная часть документов, по которым можно отследить деятельность Шустеруса, связана с его отсутствием: Кесслер ходатайствует о скорейшем возвращении своего помощника из долгой командировки; он же вспоминает о нем в Санкт-Петербурге; профессора обсуждают выход Шустеруса на пенсию и просят продлить его службу еще на одно пятилетие. Другая часть документов — это материалы по монтированию зубров. Именно они стали свидетельствами, с помощью которых мы смогли рассказать о жизни таксидермиста.

Благодарности

Мы признательны А. Ричкине за копии документов из архивов Вильнюса; сотрудникам музеев Ф. Коккини (Natural History Museum in London), П. Камминге (Naturalis Biodiversity Center) и К. Пенкепу (Naturhistorische Museum Mainz) за информацию о чучелах и скелетах экспонатов зубров, сохранившихся в их коллекциях, и за предоставление их фотографий, а А.В. Куприянову (Universität Bremen) и М.М. Пироговской за обсуждение статьи и ценные комментарии.

Список сокращений

- ВЛЭ — Всеобщая литовская энциклопедия <<https://www.vle.lt/>>
 ДАЖО — Державний архів Житомирської області (Государственный архив Житомирской области)
 НИАБГ — Национальный исторический архив Беларуси в Гродно
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 ЦДІАК — Центральний державний історичний архів України (Центральный государственный исторический архив Украины)
 LVIA — Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Литовский государственный исторический архив)
 VUB RS — Vilniaus universiteto biblioteka. Rankraščių skyrius (Библиотека Вильнюсского университета, отдел рукописей)

Архивные материалы

- ДАЖО. Ф. 178. Оп. 51. Д. 548. Метрические книги костелов Киевской губернии. 1847.
 НИАБГ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1064. По прошению президента Виленской академии Кучковского о предоставлении скелета зуба. 1839.
 РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 940. О доставлении зубров в Зоотомический кабинет Виленского университета. 1819–1821.
 РГИА. Ф. 487. Оп. 22. Д. 101. Формулярные списки: Шумилов — Юлиев.
 РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 937. По представлению попечителя Виленского учебного округа о убитии в Беловежском лесу двух зубров. 1828–1830.
 РГИА. Ф. 733. Оп. 69. Д. 614. О переводе консерватора Виленской академии Шустеруса в Университет Св. Владимира. 1841.
 РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 293. О подготовке профессорами университета издания труда «Естественная история губерний Киевского учебного округа». 1850.
 РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 851. Дело о командировании профессоров университета в губернии Киевского учебного округа. 1858.
 РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 401. Отчет Виленской медико-хирургической академии. 1840.

- РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 816. Отчет университета св. Владимира. 1844.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 99. Д. 77. По письму профессора Боянуса о доставлении в Виленский университет диких животных из Литовских лесов. 1819–1821.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 565. Формулярные списки: Шуневич — Шушпанов.
- РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 653. О доставлении для Зоологического музея чучела зубра. 1847–1849.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 81. О доставлении для Кунсткамеры зверя зубра. 1823.
- СПбФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 18. Письма к Ф.Ф. Брандту: переписка по делам Зоологического музея. 1848.
- ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 6251. Билькевич И.И. — скорняжно-чучельное ремесло.
- ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 10180. Мищенко П.С. — чучельное ремесло.
- ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4608. По предписанию Штаба корпуса Горных инженеров о скелете зубра. 1835–1839.
- ЦДИАК. Ф. 707. Оп. 10. Д. 1796. О донесении в случае перемещения консерватора Шустеруса в Московский университет. 1844.
- ЦДИАК. Ф. 707. Оп. 36. Д. 364. О награждении чиновников орденом св. Владимира IV степени. 1870–1871.
- ЦДИАК. Ф. 707. Оп. 87. Д. 2139. О выдаче жалования служащим зоологического кабинета Сильвестрову и Федюнину. 1849.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 1733. Об убитии в Беловежской пуще двух зубров. 1828–1830.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 1626. О зоологическом кабинете Виленского университета. 1829–1830.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2065. Свидетельства, выданные разным лицам. 1826.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4757. О приготовлении для Санкт-Петербургской медико-хирургической академии и Московского университета чучел и скелетов зубров. 1841–1843.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4806. Об оставлении консерватора Шустеруса в Вильне для убития в Беловежской пуще зубров и для выделки из них чучел и скелетов. 1841–1842.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4921. О передаче зоологического кабинета Виленской академии в университет св. Владимира. 1841–1842.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4986. Формулярные списки служащих Медико-хирургической академии. 1841.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 5063. О перевозке учебных пособий Виленской академии в Университет св. Владимира. 1842.
- LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1035. Об определении к должности ученого кузнеца Шустеруса. 1834.
- LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1036. Об определении в Академию консерватора зоологического кабинета. 1837–1839.
- LVIA. Ф. 720. Оп. 1. Д. 1041. О награждении Шустеруса и Мирама за труды в зоотомическом и зоологическом кабинетах. 1834–1838.

- LVIA. Ф. 378. Оп. 52. Д. 299. О доставлении в Копенгаген зуба для принца Гессен-Касельского. 1844–1846.
- LVIA. Ф. 378. Оп. 55. Д. 2174. Об убийти зубров в Беловежской пуще. 1847–1849.
- LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 3854. О покупке за границей препаратов для Зоологического кабинета Виленской академии. 1836–1837.
- Museum für Naturkunde Berlin. BbH 1–12. Mappe W III H. Korrespondenz Lichtenstein mit S.I. Wieldemann.
- VUB RS. F 4-A696. Об убийти зубров в Беловежском лесу. 1837–1840.

Источники

- Богданов М.Н.* Карл Федорович Кесслер. Биография // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1882. Т. 12. Ч. 2. С. 299–359.
- Брандт Ф.Ф.* Зоологический и Зоотомический музей // Записки Императорской Академии наук. 1865. Т. 7. Кн. 1. С. 1–35.
- Бунге Н.Х.* Отчет об учреждении и деятельности Комиссии по 1-е мая 1853 г. // Труды Комиссии, высочайше утвержденной при Университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. 1853. Т. 2. С. 1–64.
- Второй съезд естествоиспытателей в г. Киеве с 11-го по 18-е июня 1862 г. // Университетские известия. 1862. № 7. Отд. 2. С. 3–72.
- Известия о съезде естествоиспытателей в г. Киеве с 11-го по 18-е июня 1861 г. // Университетские известия. 1861. № 1. Отд. 2. С. I–XXXIV.
- Историко-статистические записки об ученых и учебно-вспомогательных учреждениях Императорского университета св. Владимира (1834–1884). Киев: Университет св. Владимира, 1884. 419 с.
- Отчет по университету св. Владимира за 1863 г. // Университетские известия. 1864. № 9. С. 16–17.
- Протоколы заседаний совета университета св. Владимира 18 дек. 1864 г. // Университетские известия. 1865а. № 1. Отд. 1. С. 30–31.
- Протоколы заседаний совета университета св. Владимира 4 мая 1865 г. // Университетские известия. 1865б. № 6. Отд. 1. С. 23.
- Протоколы заседаний совета университета св. Владимира 26 нояб. 1865 г. // Университетские известия. 1866а. № 1. Отд. 1. С. 30–48.
- Протоколы заседаний совета университета св. Владимира 18 февр. 1866 г. // Университетские известия. 1866б. № 4. Отд. 1. С. 8–9.
- Протоколы заседаний совета университета св. Владимира 5 апр. 1867 г. // Университетские известия. 1867. № 6. Отд. 1. С. 1–16.
- Протоколы заседаний совета университета св. Владимира 8 нояб. 1868 г. // Университетские известия. 1869. № 1. Отд. 1. С. 22–42.
- Протоколы заседаний совета университета св. Владимира 16 янв. 1870 г. // Университетские известия. 1870а. № 4. Отд. 1. С. 6–7.
- Протоколы заседаний совета университета св. Владимира 28 авг. 1870 г. // Университетские известия. 1870б. № 10. Отд. 1. С. 14.
- Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго отд. соб. Е.И.В. канцелярии, 1876. Т. 9. Законы о состояниях. 312+84 с.

- Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Мин-во народного просвещения, 1902. 785 с.
- Штраух А.А.* Зоологический музей Академии наук: 50-летие его существования. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1889. 372 с.
- Beliński J.* Stan nauk lekarskich za czasów Akademii Medyko-Chirurgicznej Wileńskiej, bibliograficznie przedstawiony: przyczynek do dziejów medycyny. Warszawa: Towarzystwo Lekarskiego Warszawskiego, 1889. 907 s.
- Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Warszawa: Gebethner i Wolff, 1907. T. 1. 767 s.
- Bojanus L.* De uro nostrate eiusque sceleto commentatio scripsit et bovis primigenii sceleto auxit // *Nova Acta Physico-Medica Academiae Caesareae Leopoldino-Carolinae Naturae Curiosorum*. 1827. Vol. 13 (2). P. 411–478.
- Szretter P.* Rys historyczny powstania w Puszczy Białowieskiej w roku 1831. Poznan: Fr. Chocieszyński, 1893. 81 s.

Библиография

- Алексеев А.И.* Илья Гаврилович Вознесенский. М.: Наука, 1977. 152 с.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского университета св. Владимира. Киев: Тип. ун-та св. Владимира, 1884. 674 с.
- Грибовский М.В.* Трудности университетской карьеры в России в конце XIX — начале XX века // *Социология науки и технологий*. 2020. Т. 11. № 2. С. 146–159. doi: 10.24411/2079-0910-2020-12008.
- Дьяков В.А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. М.: Наука, 1967. 256 с.
- Заславский М.А.* Ландшафтные экспозиции музеев мира. Л.: АН СССР, 1979. 211 с.
- Котс А.Ф.* Собрание сочинений: В 5 т. М.: Гос. Дарвиновский музей, 2013–2018.
- Матвиевская Г.П.* Чучельники. К 180-летию юбилею Оренбургского областного историко-краеведческого музея // *Гостинный Двор*. 2010. № 33. С. 264–273.
- Райков Е.Б.* Людвиг Боянус // *Райков Е.Б. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 365–419.
- Сухова Н.Г., Таммиксаар Э.* Александр Федорович Миддендорф: к двухсотлетию со дня рождения. СПб.: Нестор-История, 2015. 380 с.
- Федотова А.А.* Беловежский зубр (*Bison bonasus bonasus*) как музейный экспонат в XVIII — начале XX в. // *Труды Зоологического института РАН*. 2018. Т. 332. № 2. С. 160–184. doi: 10.31610/trudyzin/2018.322.2.160.
- Beer J.J., David Lewis W.* Aspects of the Professionalization of Science // *Daedalus*. 1963. Vol. 92. No. 4. P. 764–784.
- Brooks N.* Alexander Butlerov and the Professionalization of Science in Russia // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57. P. 10–24.
- De Bont R.* Extinct in the Wild. Finding a Place for the European Bison, 1919–1952 // *De Bont R., Lachmund J. (eds.). Spatializing the History*

- of Ecology: Sites, Journeys, Mappings. N.Y.: Routledge; Taylor & Francis, 2017. P. 165–184. doi: 10.4324/9781315191041-9.
- Farber P. The Development of Taxidermy and the History of Ornithology // *Isis*. 1977. Vol. 68. No. 4. P. 550–566.
- Fedotova A., Samojlik T., Daszkiewicz P. Killing for Museums: European Bison as a Museum Exhibit // *Centaurus*. 2018. Vol. 60. No. 4. P. 315–322. doi: 10.1111/1600-0498.12194.
- Gordin M. The Heidelberg Circle: German Inflections of the Professionalization of Russian Chemistry in the 1860s // *Osiris*. 2008. Vol. 23. P. 23–49. doi: 10.1086/591868.
- Klajumaitė V. The Phenomenon of Plica Polonica in Lithuania: A Clash of Religious and Scientific Mentalities // *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum*. 2013. Vol. 1. No. 2. P. 53–66. doi: 10.11590/abhps.2013.2.05.
- Lucier P. The Professional and the Scientist in Nineteenth-Century America // *Isis*. 2009. Vol. 100. No. 4. P. 699–732. doi: 10.1086/652016.
- Moseley R. Tadpoles and Frogs: Some Aspects of the Professionalization of British Physics, 1870–1939 // *Social Studies of Science*. 1977. Vol. 7. No. 4. P. 423–446.
- Nyhart L. *Modern Nature. The Rise of the Biological Perspective in Germany*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2009. 440 p.
- O'Connor J., Meadows A. Specialization and Professionalization in British Geology // *Social Studies of Science*. 1976. Vol. 6. No. 1. P. 77–89.
- Poliquin R. *The Breathless Zoo. Taxidermy and the Cultures of Longing*. University Park: Penn State Press, 2012. 272 p.
- Quagga, Nashorn, Wisent — ein Fall fürs Museum? // *Mainzer Rhein Zeitung*. 1989. No. 22. S. 22–23.
- Ruud L.C. *Doing Museum Objects in Late 18th Century Madrid: PhD Thesis / University of Oslo*. Oslo, 2013. 249 p.
- Samojlik T., Fedotova A., Daszkiewicz P., Rotherham I.D. *Białowieża Forest in the Nineteenth Century: Nature and Culture*. Cham: Springer, 2020. 223 p.
- Shapin S. The Invisible Technician // *American Scientist*. 1989. Vol. 77. No. 6. P. 554–563.
- Sławiński K. Zabiegi o pozyskanie żubrów dla muzeum zoologicznego dawnego Uniwersytetu Wileńskiego // *Archiwum Historii i Filozofii Medycyny oraz Nauk Przyrodniczych*. 1931. T. 11. No. 1. S. 202–206.
- Słownik biologów polskich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. 617 s.
- Spree R. The Impact of the Professionalization of Physicians on Social Change in Germany during the Late 19th and Early 20th Centuries // *Historical Social Research*. 1980. Vol. 15. P. 24–39.
- Waller J.C. Gentlemanly Men of Science: Sir Francis Galton and the Professionalization of the British Life Sciences // *Journal of the History of Biology*. 2001. Vol. 34. No. 1. P. 83–114.
- Would A.C.P. *Taxidermy Time: Fleshing Out the Animals of British Taxidermy in the Long Nineteenth Century, 1820–1914: PhD diss. / Bristol University*. Bristol, 2021. 235 p.

Of Bison and Taxidermy: Biography of a Practical Zoologist Augustus Szusterus

Anastasia Fedotova

St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
f.anastasia.spb@gmail.com

Ekaterina Zharova

St Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
5/2 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
zharova_ekaterina@bk.ru

The article is devoted to the biography of Augustus Szusterus (circa 1805 — not earlier than 1871), the keeper of the zoological cabinet at the Vilna Medical and Surgical Academy (1835–1841), and then the University of St Vladimir in Kiev (1842–1870). By using his life as a case-study, we analyse the career of an “invisible technician” in Russian higher education of the 19th century. Szusterus was one of the best taxidermists who worked for the academic community in the Russian Empire in the second third of the 19th century. He was a student of Ludwig Bojanus, a preeminent comparative anatomist, and of Felix Brunner, a skilled taxidermist. His legacy are museum exhibits that were made as skin-mount over sculpture, the technique that was (as it’s believed) developed only in the late 19th and in the early 20th century; in particular, several European bison mounted by him have been preserved till nowadays. The professors with whom Szusterus worked in Vilna and Kiev hardly mentioned his name in their annual reports and other documents, although it is quite obvious that without his assistance, both their educational and scientific activities would have been significantly obstructed. We collected information about Szusterus from scratches by using the documents from four countries. The most informative documents that we managed to find were about his work on European bison that served as valuable objects of museum exchange and even diplomatic gifts in the 1830s and 1840s. It was due to these documents that it became possible to restore Szusterus’ name to the history of zoology.

Keywords: taxidermy, invisible technicians, European bison, universities, zoological cabinet, Russian Empire.

Acknowledgments

We are grateful to Aurika Ričkienė for copies of documents from the Vilnius archives; to Phaedra Kokkini (Natural History Museum in London), Dr. Pepijn Kamminga (Naturalis Biodiversity Center) and Dr. Carsten Renker (Naturhistorische Museum Mainz) for providing information about bison specimens and photos; to Alexei Kupriyanov (Universität Bremen) and Maria Pirogovskaya for discussion and valuable comments.

References

- Alekseev A., *Ilya Gavrilovich Voznesenskiy* [Ilya Gavrilovitsch Voznesensky]. Moscow: Nauka, 1977, 152 pp. (In Russian).
- Beer J., David Lewis W., 'Aspects of the Professionalization of Science', *Daedalus*, 1963, vol. 92, no. 4, pp. 764–784.
- Brooks N., 'Alexander Butlerov and the Professionalization of Science in Russia', *The Russian Review*, 1998, no. 57, pp. 10–24.
- De Bont R., 'Extinct in the Wild. Finding a Place for the European Bison, 1919–1952', De Bont R., Lachmund J. (eds.), *Spatializing the History of Ecology: Sites, Journeys, Mappings*. New York: Routledge; Taylor & Francis, 2017, pp. 165–184. doi: 10.4324/9781315191041-9.
- Dyakov V., *Deyateli russkogo i polskogo osvoboditelnogo dvizheniya v tsarskoy armii 1856–1865 godov* [Figures of the Russian and Polish Liberation Movement in the Tsarist Army of 1856–1865]. Moscow: Nauka, 1967, 256 pp. (In Russian).
- Farber P., 'The Development of Taxidermy and the History of Ornithology', *Isis*, 1977, vol. 68, no. 4, pp. 550–566.
- Fedotova A., 'Belovezhskiy zubr (*Bison bonasus bonasus*) kak muzeynyy eksponat v XVIII — nachale XX v.' [Bison bonasus bonasus as a Museum Exhibit in the 18th — Early 20th Centuries], *Proceedings of the Zoological Institute RAS*, 2018, vol. 332, no. 2, pp. 160–184. (In Russian). doi: 10.31610/trudyzin/2018.322.2.160.
- Fedotova A., Samojlik T., Daszkiewicz P., 'Killing for Museums: European Bison as a Museum Exhibit', *Centaurus*, 2018, vol. 60, no. 4, pp. 315–322. doi: 10.1111/1600-0498.12194.
- Gordin M., 'The Heidelberg Circle: German Inflections of the Professionalization of Russian Chemistry in the 1860s', *Osiris*, 2008, vol. 23, pp. 23–49. doi: 10.1086/591868.
- Gribovskii M., 'Trudnosti universitetskoy karyery v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka' [Difficulties of a University Career in Russia in the late 19th and early 20th Centuries], *Sociology of Science and Technology*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 146–159. doi: 10.24411/2079-0910-2020-12008. (In Russian).
- Klajumaitė V., 'The Phenomenon of Plica Polonica in Lithuania: A Clash of Religious and Scientific Mentalities', *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 53–66. doi: 10.11590/abhps.2013.2.05.
- Kots A., *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 2 vols. Moscow: State Darwin Museum, 2013–2014. (In Russian).

- Lucier P., 'The Professional and the Scientist in Nineteenth-Century America', *Isis*, 2009, vol. 100, no. 4, pp. 699–732. doi: 10.1086/652016.
- Matvievskaia G., 'Chuchelniki. K 180-letnemu yubileyu Orenburgskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeyu' [Taxidermists. To the 180th Anniversary of the Orenburg Regional Museum of History and Local Lore], *Gostinyy Dvor*, 2010, no. 33, pp. 264–273. (In Russian).
- Moseley R., 'Tadpoles and Frogs: Some Aspects of the Professionalization of British Physics, 1870–1939', *Social Studies of Science*, 1977, vol. 7, no. 4, pp. 423–446.
- Nyhart L., *Modern Nature. The Rise of the Biological Perspective in Germany*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2009, 440 pp.
- O'Connor J., Meadows A., 'Specialization and Professionalization in British Geology', *Social Studies of Science*, 1976, vol. 6, no. 1, pp. 77–89.
- Poliquin R., *The Breathless Zoo. Taxidermy and the Cultures of Longing*. University Park: Penn State Press, 2012, 272 pp.
- 'Quagga, Nashorn, Wisent — ein Fall fürs Museum?', *Mainzer Rhein Zeitung*, 1989, Januar 26, no. 22, ss. 22–23.
- Raykov E. B., 'Ludvig Boyanus' [Ludwig Boyanus], Raykov E. B., *Russkie biologicheskoye darvinisty do Darvina* [Russian Evolutionary Biologists before Darwin]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1952, vol. 1, pp. 365–419.
- Ruud L., *Doing Museum objects in late 18th-century Madrid*: PhD Thesis, University of Oslo, Oslo, 2013, 249 pp.
- Samojlik T., Fedotova A., Daszkiewicz P., Rotherham I. D., *Białowieża Forest in the Nineteenth Century: Nature and Culture*. Cham: Springer, 2020, 223 pp.
- Shapin S., 'The Invisible Technician', *American Scientist*, 1989, vol. 77, no. 6, pp. 554–563.
- Ślawiński K., 'Zabiegi o pozyskanie żubrów dla muzeum zoologicznego dawnego Uniwersytetu Wileńskiego', *Archives of History and Philosophy of Medicine and Life Sciences*, 1931, vol. 11, no. 1, pp. 202–206.
- Słownik biologów polskich*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987, 617 ss.
- Spree R., 'The Impact of the Professionalization of Physicians on Social Change in Germany during the Late 19th and Early 20th Centuries', *Historical Social Research*, 1980, vol. 15, pp. 24–39.
- Sukhova N., Tammiksaar E. *Aleksandr Fedorovich Middendorf* [Aleksandr Fedorovich Middendorf]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015, 380 pp. (In Russian).
- Vladimirsky-Budanov M., *Istoriya Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira* [The History of the Imperial University of St Vladimir]. Kyiv: University Publishing House, 1884, 674 pp. (In Russian).
- Waller J., 'Gentlemanly Men of Science: Sir Francis Galton and the Professionalization of the British Life Sciences', *Journal of the History of Biology*, 2001, vol. 34, no. 1, pp. 83–114.
- Would A. C. P., *Taxidermy Time: Fleshing Out the Animals of British Taxidermy in the Long Nineteenth Century, 1820–1914*: PhD diss., Bristol University. Bristol, 2021, 235 pp.
- Zaslavskii M., *Landshaftnye ekspozitsii muzeev mira* [Landscape Expositions of World Museums]. Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1979, 211 pp. (In Russian).

Иллюстрации к статье Анастасии Федотовой и Екатерины Жаровой

Ил. 1. Скелет зубра, смонтированный Шустерусом
для зоологического кабинета Лейденского университета зимой 1838–1839 гг.
[Naturalis Biodiversity Center, RMNH.MAM.13429].
Фото П. Камминге (Dr. Perijn Kamminga,
заведующий коллекцией птиц и млекопитающих)

Ил. 2. Чучело зубра, смонтированное Шустерусом зимой 1840–1841 гг.
для музея Рейнского общества испытателей природы.
Фото Б. Хенрих (Bettina Henrich, Mainz Natural History Museum),
экспозиция местной фауны, 1991 г.

Счетъ издержекъ денегъ при
выделкѣ чучела и скелета одного зубра.

1842 г.

Мѣсяцъ	№	Зачетъ	Выданы	
			Руб.	Коп.
	1	Учтено зотмару Бондареву за домашнее прилежаніе со скелета зубъ кочу зуброву 5.		5.
		Сотуче за подставу, иралоуи шлангитъ ирванитъ зубъ кочу зубра 5.		
		И за подставу зубъ скелета 2.		10.
		Записки руб. ср. дающе рубли 10р.		
		Счетъ Рубли		
апрѣль	10	1. Учтено Числову курочку и амбукару за мясо зубъ кочу зубра, и скелета зубъ скелета по 10р. ср. за 60 сакой фунты 5р. 50к.		5
		Сотуче за мясо зубъ скелета за 35р. по 10р. 3р. 50к.		
		И амбукаре дающе рубли фунты 9р.		9.
		Игудард. Амбукара чучелки кучелу.		
"	20	2. Учтено Мизу Милеву за 2р. мяса, ступачиной Бундаци шатае по 30к. 1р. 25к.		
		В. Фурчова мяса по 15к. 90к.		
		3р. Миза по 10к. 30к.		
		Два рубли Остердессе ризе Ко Среб. 1р. 15к.		2
		прочефанъ Ико Рабатъ		45.
апрѣль	20	3. Учтено Михеу Милеву за 25р. мяса отъ скелета шатае ср. по 10к. 1.		50.
		получитъ о дентъ ризе, и амбукаре кон. ср.		
		Меса Михеу Милеву		
"	10	5. Учтено Мизу Бондареву 11р. разноу супта в. Бондаре за 8. по 10к. и Бире по 15к. 1		95.
		Миза Бондаре ризе		
		Миза Бондаре		

Ил. 3. Счет издержек денег при выделке одного чучела и скелета зубра, 1842 г., LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 4806. Л. 23.